

DOI 10.15826/izv2.2023.25.1.007
УДК 821.161.1-3 Акунин + 316.34/.35 +
+ 130.2 + 316.772 + 316.61

Т. А. Снигирева

¹*Институт истории и археологии УрО РАН*

²*Уральский федеральный университет*

Екатеринбург, Россия

А. В. Подчиненов

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

«НО НЕТ ВОСТОКА И ЗАПАДА НЕТ»: ПРЕОДОЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ ПО-АКУНИНСКИ

В статье на материале разножанровых текстов Б. Акунина (проект «Приключения Эраста Фандорина», «Сказки народов мира»), самоучитель по беллетристике «Русский в Англии») предпринят анализ писательской концепции национальной идентичности и возможности / невозможности преодоления межнационального взаимонепонимания. Отмечено, что «решение национального вопроса» за тридцать лет работы писателя в литературе претерпело определенные изменения. Показано, что в Фандоринском проекте Б. Акунин сосредоточен на моделировании и описании трех барьеров, существующих при восприятии и оценке инонационального (барьер чужого языка; барьер чужого быта; барьер иной ментальности). В «Сказках народов мира» писатель берет иной ракурс осмысления национального комплекса: его интересует характер соотносительности национального и общечеловеческого. Эта книга о том, что национальная особенность — не что иное, как вариант инварианта, в ней осмыслены общечеловеческие ценности в национальной аранжировке. Самоучитель по беллетристике «Русский в Англии» может быть прочитан как итоговые размышления Б. Акунина о вопросе возможности / невозможности межнационального взаимопонимания. Анализ произведения показал, что одновременно это книга профессиональной и национальной самоидентификации. Б. Акунин не упрощает возможности межнационального диалога. Согласно концепции писателя, необходимо не приспособиться к иному национальному образу жизни, но понять его, только тогда начинаешь «работать» формула «он как я», реализующая себя чрезвычайно редко и всегда неполно. Попытка понять другую ментальность предполагает целый комплекс личностных качеств, в основе которого — способность к диалогу, аналитизм, интеллектуальность, культурологический багаж и — главное — человечность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Б. Акунин; национальная идентификация; межнациональный диалог; национальные барьеры; кросскультурные феномены

Ц и т и р о в а н и е: *Снигирева Т. А., Подчиненов А. В.* «Но нет Востока и Запада нет»: преодоление национальных барьеров по-акунински // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 111–120. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.007>

Поступила в редакцию: 21.09.2022

Принята к печати: 02.02.2023

Tatyana A. Snigireva

¹*Institute of History and Archaeology UB RAS*

²*Ural Federal University*

Ekaterinburg, Russia

Alexey V. Podchinenov

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

“BUT THERE IS NO EAST AND ALSO NO WEST”: OVERCOMING NATIONAL BARRIERS IN AKUNIN’S WAY

This article analyses Boris Akunin’s writing concept of national identity and the possibility or impossibility of overcoming cross-national non-communication. The analysis is based on Akunin’s texts of different genres (the *Erast Fandorin’s Adventures* project, *Tales from All Over the World*, and *Russian Man in England*, a self-study book on fiction). It is noted that the “solution of the national question” during the thirty years of the writer’s work in literature has undergone certain changes. The authors demonstrate that in the Fandorin project, Boris Akunin focuses on modelling and describing three barriers that exist in the perception and evaluation of the unfamiliar (the barrier of a foreign language, the barrier of a foreign way of life, and the barrier of foreign mentality). In *Tales from All Over the World*, the writer takes a different perspective of understanding the national complex. He is interested in the correlation between the national and the universal. This book is about the fact that national identity is nothing but a variant of an invariant, it comprehends universal values in a national arrangement. The self-study book on fiction *Russian Man in England* can be read as Akunin’s final reflections on the possibility or impossibility of cross-national understanding. The analysis of this work demonstrates that it is a book of professional and national self-identification at the same time. Akunin does not simplify the possibilities of interethnic dialogue. According to the writer’s concept, it is necessary not to adapt to a different national way of life, but to understand it. Only then does the formula “they are like me” begin to “work” realising itself extremely rarely and always incompletely. An attempt to understand a different mentality presupposes a whole complex of personal qualities, which is based on the ability for dialogue, analytics, intellectuality, cultural baggage and, most importantly, humanity.

Key words: B. Akunin; national identification; cross-national dialogue; national barriers; cross-cultural phenomenon

For citation: Snigireva, T. A., & Podchinenov, A. V. (2023). “No net Vostoka i Zapada net”: preodolenie natsional’nykh bar’erov po-akuninski [“But There Is No East and Also No West”: Overcoming National Barriers in Akunin’s Way]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(1), 111–120. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.007>

Submitted: 21.09.2022

Accepted: 02.02.2023

Б. Акунина всегда интересовали проблемы национальной идентификации и самоидентификации, начиная с первых романов «Фандоринского цикла» и книги-блога «Любовь к истории», о чем нам приходилось неоднократно писать [Подчиненов, Снигирева, 2013; 2014]. Своеобразный итог своим размышлениям писатель подводит в своих последних произведениях, «Сказки народов мира» и самоучитель по беллетристике «Русский в Англии».

В раннем эссе «Но нет Востока и Запада нет (о новом андрогине в мировой литературе)», написанном еще в качестве заместителя редактора «Иностранной литературы», Г. Чхартишвили, обнаруживая несомненный интерес к кросскультурным явлениям в мировой литературе и предупреждая номер, посвященный авторам-«андрогинам», т. е. писателям, которых весьма сложно отнести к той или иной культуре со всей определенностью, замечает, что это имеет свои плюсы и минусы:

Вот взгляд оптимистический: глобализация сумеет вернуть человеку совершенство, сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу. <...> Взгляд пессимистический: глобализация приведет (уже привела) к засилью усредненного масскульта, к утрате национальной самобытности, к обеднению и выхолащиванию культуры, к всеобщей американизации и макдональдизации. И все закончится плохо [Чхартишвили, с. 262–263].

В художественном творчестве Акунин, в свойственной ему ироничной игровой манере [Весь мир театр? Весь мир — литература!], не только ставит, но и по-своему решает проблему возможности / невозможности межнационального диалога¹. Но необходимо заметить, что «решение национального вопроса» за тридцать лет работы писателя в литературе претерпело определенные изменения: движение от Фандоринского проекта (1998–2018) через «Сказки народов мира» (2021) к «Русскому в Англии» (2022) весьма поучительно.

В самом знаменитом своем проекте² Б. Акунин сосредоточен на моделировании и описании трех барьеров, существующих при восприятии и оценке инонационального: 1) барьер чужого языка; 2) барьер чужого быта, привычек повседневья; 3) барьер иной ментальности.

Барьер чужого языка, или Языковой балаган. Б. Акунин несомненно владеет всеми приемами стилизаторства, в том числе и изощренной игрой со смешением разных языков в пространстве одного текста. Редко кто из героев романов (заметим, не только Фандоринской серии) говорит правильным русским языком. Текст Акунина буквально переполнен фразами на французском, немецком, японском, турецком, азербайджанском, армянском и порой требует специального перевода

¹ См. подробнее об этноконфессиональной проблематике в проекте Б. Акунина «Провинциальный детектив» в нашей монографии «Борис Акунин и его игровой мир» [Снигирева, Подчиненов, Снигирев].

² См. работы, затрагивающие вопросы национального в Фандоринском проекте: [Сорокин; Цыплаков; Черняк].

в сносках. В романах писателя звучит «плохой русский», «плохой немецкий», «плохой английский», «плохой французский».

Языковая какофония текстов Б. Акунина — обозначение простейшего барьера, который можно и нужно взять, но редко кто его переходит. Не случайно, лучшие герои писателя — полиглоты-переводчики, знание языков приносит им удачу и нередко спасает жизнь.

Барьер чужого быта, или Кривые зеркала. Художественный мир Акунина всегда многонационален благодаря масштабности географии. Здесь и Москва, и Петербург, и русская провинция, и Англия, и Япония, и Германия, и Швейцария, и Болгария, и Америка, и Турция, и Азербайджан... Но это дает писателю возможность, как мы уже однажды отмечали, «разыгрывать “национальную карту” буквально на всех уровнях текста. И здесь возникает, наряду с авторским мировоззренческим и “цивилизационным” зеркалами, в которых отражена Россия, еще одна система национальных зеркал» [Стигирева, Подчиненов, с. 62]. Ее создают и в нее «вглядываются» фактически все народы и категорически не узнают себя, при полной уверенности в том, что их собственное оценочное зеркало, в котором проступает лицо другой нации, не искажает действительные черты «другого». «Взаимонеузнаваемость» закономерно ведет к негативу или пренебрежению в оценке «типично» чужого. Приведем несколько примеров, в которых особо очевиден бытового уровня барьер неприятия чужого, артикулированный устоявшимся стереотипом визуальной антропологии и якобы особым типом поведения. Вот американцы глазами русского: «Вечное бахвальство — вот черта, которую Фандорин находил в американцах наиболее утомительной. Все у них непременно most, greatest, или, на худой конец, great. Будто сами хотят убедить себя в собственном величии» [Акунин, 2009, с. 305]. Русский же так характеризует английский обычай уходить, не прощаясь: «Так и уехал по-английски, как последняя свинья» [Акунин, 2013, с. 202]. Типичная англичанка говорит о французах: «Все-таки французы при всей их галантности не джентльмены» [Акунин, 2005, с. 140]. И, наконец, взгляд японца на европейцев: «До чего же вы, люди Запада, ограничены! Вы верите только тому, что можно увидеть глазами и пощупать руками. Именно это и погубит вашу цивилизацию» [Акунин, 2013, с. 23].

Барьер иной ментальности, или Чужой среди чужих. С точки зрения писателя, языковые, визуально-антропологические, физиологические, бытовые барьеры — следствие инаковости ментального характера. Комплекс национального неприятия, барьер чужого, вплоть до чуждого, сознания может привести к враждебности и открытому расизму. Например, восприятие «типичной» англичанкой «типичного» японца:

Вот он, подлинный лик улыбчивого азиата. Человек с таким застывшим, безжалоственным лицом способен на что угодно. Все-таки представители желтой расы не такие, как мы, — и дело вовсе не в разрезе глаз [Акунин, 2005, с. 37].

Акунин не устает под разной оптикой показывать ярмарку опасного национального тщеславия:

Европейцы — непревзойденные эксперты во всем, что касается **умения**, они превосходно знают **как**. Мы же, азиаты, обладаем мудростью, ибо понимаем, **зачем** (выделено автором. — Т. С., А. П.) [Акунин, 2005, с. 122].

В «Сказках народов мира» (2021) Б. Акунин берет иной ракурс осмысления национального комплекса, его интересуется характер соотношенности национального и общечеловеческого. Эта книга о том, что национальная особость — не что иное, как вариант инварианта, книга, показывающая общечеловеческие ценности в национальной аранжировке. Б. Акунин строит текст буквально по монографии «Морфология сказки» В. Я. Проппа (от функций действующих лиц до структурного принципа утращения), которую, кажется, знает наизусть, и показывает (цитируем ученого, но не писателя) «...лабиринт сказочного (национального) многообразия, которое в итоге предстанет как чудесное единообразие» [Пропп, с. 7–8].

Б. Акунин предлагает семь сказок, в которых национальное носит скорее декоративный, нежели сущностный характер. Это колорит языка и экзотика бытовой культуры, что отражено уже в названиях: «Ледяной Дракон» (Японская сказка), «Рыцарь фон Грюнвальд» (Немецкая сказка), «Иванушка Ясны-Очи» (Русская сказка), «Счастье Бахтияра» (Арабская сказка), «Кастильо де Ратас» (Испанская сказка), «Три феи» (Английская сказка), «Синевласка» (Французская сказка), «Исполнение желаний» (Еврейская сказка), «Невидимый сад мастера Вана» (Китайская сказка). Национальное подчеркивается и в обозначении героев: рыцарь, богатырь, самурай, Баба Яга, Дракон, Змей Горыныч и т. д. Отмечаются стереотипы национального характера, например, расчет на удачу и авось русского героя. Активно подключается матрица национальной сказки и традиции национальной культуры, правда, не без иронии. Так, в той же русской сказке в качестве волшебного средства герою предлагаются «Ключи счастья» (название романа Анастасии Вербицкой).

Но вся книга, созданная как целостный текст, призвана показать чудо сущностного человеческого единства. Для нее характерна единая мотивная структура, лейтмотивными становятся такие ценности, как храброе сердце, долг и верность, любовь и счастье, добро и красота. Б. Акунин не устает связывать одну сказку с другой:

Когда же земные дни Куколки окончились, в честь трех Румат, один меньше другого, мастера изготовили поминальную куклу «ирэко-кокэси», которая за пределами Японии известна под названием «матрешка». <...> Но, если вы думаете, что маленькие рыцари бывают только в Японии, это потому что вы еще не знаете историю господина фон Грюнвальда [Акунин, 2021, с. 24];

К тому же браки бывают такие, что лучше уж вовсе не жениться. Спросите хоть французов, которые больше всех разбираются в подобных вещах [Там же, с. 148].

Авторские связки, выделенные курсивом, постоянно подчеркивают и усиливают ту банальную истину, что, говоря на разных языках, существуя в разных культурных обстоятельствах, народы во все времена были счастливы и страдали от одного и того же: зла, несправедливости, жестокости, глупости.

Авторское присутствие в тексте многообразно и весьма изощренно, что призвано снимать назидательность и банальную очевидность высказывания. Это не только интенсивная интертекстуальная насыщенность, столь характерная для всех произведений писателя [Герейханова; Ранчин], и не только игровая стилизация сказовой интонации, порой ломающаяся резким интеллектуальным, в духе Евг. Шварца, замечанием:

Самые опасные чудовища — те, которые аккуратны. Когда дракон неряшлив и забывчив, от него еще можно спастись. Если он дотошен и ведет строгий учет, это совсем беда [Акунин, 2021, с. 20].

И даже не только сомнение в традиционной норме, как, например, намек на возможность однополой любви, который не считают дети, но поймут их родители (см. английскую сказку). Это авторская сентиментальная надежда на то, что тайна гармонии мира — в его единстве. В китайской сказке, завершающей книгу, великий садовник отдает все драгоценные выращенные им цветы для прекращения ненависти, раздора и войн, царящих в мире. Остался один — Прекрасный Лотос, названный «Блаженством ожидания». Мастер ждет, когда раскроется последний шестой лепесток. Иносказание легко расшифровывается:

...оставалась еще сердцевина, самое сосредоточие Совершенства. Когда откроется она, Красота станет полной, и смысл бытия осуществится. Мир достигнет цели, ради которой он создан. <...> Судя по тому, что мир еще не совершенен, сердцевина Прекрасного Лотоса пока не раскрылась. <...> А может быть, мастеру не нужно было ограничивать гармонию рубежами Поднебесной, и тогда сердцевина уже раскрылась бы. Кто знает? [Там же, с. 223];

«Сказки народов мира» — двухадресная книга. Да, она для тех мальчиков и девочек, как сказано в аннотации, размещенной на четвертой странице обложки, «кому нравится читать про больших грозных драконов и про маленьких храбрых рыцарей, для тех, кто верит, что любовь сама себе хозяйка и что феи дарят подарки, но и для тех, кто давно уже вырос и имеет собственных детей» [Акунин, 2021].

«Русский в Англии» (2022) может быть прочитан как итоговые размышления Б. Акунина о вопросе возможности / невозможности межнационального взаимопонимания. Одновременно это и книга профессиональной и национальной самоидентификации. Профессиональной, поскольку под видом жанра «самоучителя по беллетристике» писатель раскрывает свою «творческую кухню», делится своими наработанными за тридцать лет рецептами по изготовлению качественного беллетристического текста. Национальной, поскольку книга открытого автобиографического дискурса апеллирует к опыту десятилетней

жизни вне России, с одной стороны, с другой — автор признается, что ситуация «свой среди чужих и чужой среди своих» соотносима для него с психологическим условием писательского труда:

«Русский в Англии» — это метафора, довольно точно передающая взаимоотношения писателя с окружающим миром. <...> «Русский» — это Я. «Англия» — Другие и Другое, это Не-Я. Всякий писатель — китунэ, лиса-оборотень, тайно прокрадывающаяся в чужие души. <...> Суть в том, что писатель, оставаясь собой, в то же время покидает родину своего «я». На жизнь он смотрит как экспат на Англию, на людей — как на англичан. <...>. Чтобы понять и почувствовать, тем более описать других людей, нужно сделать некое кросс-культурное усилие, хорошо выучить чужой язык, узнать подробности неведомой жизни [Акунин, 2022, с. 11].

В Самоучителе, состоящем из десяти «уроков», Б. Акунин последовательно проигрывает три модели межнационального *modus vivendi*.

В историческом рассказе «Императрица Московии», основой которого стал известный сюжет неудачного сватовства Ивана Грозного к Елизавете Английской, представлены все уровни межнационального непонимания, в котором «мне враждебен Другой», «моей стране враждебна любая другая страна». При аудиенции московских послов у Елизаветы коммуникация разрушается на всех уровнях — от языкового (*Tsar-Batushka* переводится как *Грозный Царь*) до ситуативного: договаривающиеся стороны фактически ни о чем не договорились, но каждая считает, что одержала победу над другой. Исторический итог несостоявшегося альянса известен.

В новелле «My Bonnie lies over the oceans, или Как синица тихо за морем жила» разыгрывается ситуация «Я = Ты»; «Я = Другой» и является примером того, как истинная любовь преодолевает любые границы. Это история любви реально существовавших лиц: морского офицера Павла Чичагова и английской барышни, дочери начальника английского порта Чарльза Проби. Перед влюбленными «обнаружились препятствия с национальным колоритом» [Там же, с. 131]. Английский отец был категорически против брака, поскольку ему было непонятно, как «любой английской девушке может взбрести в голову выйти замуж за неангличанина» [Там же, с. 127], тем более русского иноверца. Царь Павел высказался в том же духе: «В России своих девиц некуда девать, и нет надобности ехать искать их в Англию» [Там же, с. 132]. Б. Акунин признается, что он любит эту историю, которую оформил в жанре переписки, поскольку «получилось почти как в сказке с хорошим финалом» [Там же, с. 133], ибо любовь — чувство не национальное, но общечеловеческое.

Аллегорический рассказ «Роуэн» завершает книгу. Время действия — эпоха Бориса Годунова и Генриха VIII, место — сад и дом англиканского пастора. Исторический факт: судьба русского мальчика, отосланного в Англию и оставшегося там. Герой меняет страну, имя, язык, вероисповедание и трижды отказывается вернуться на родину. Разыгрывается ситуация «Я как Другой». В финальном «туше» Б. Акунин предельно откровенен. Его герой *почти* счастлив в Англии,

полноте чувства мешает «только алое пятно», покачивающаяся за окном ветка роуэна, усыпанная красными ягодами. Последние строки рассказа:

Вдруг вспомнилось. Точно так же покачивалась за слюдяным оконцем краснаягодная ветка в родительском доме на Подкопае. И название куста-дерева вспомнилось. Ryabina [Акунин, 2022, с. 364].

Реминисценция из цветаевской «Тоски по родине» более чем очевидна. Б. Акунин не упрощает ситуацию: не приспособиться к иному национальному образу жизни, но понять его. Только тогда начинает «работать» формула «он как я», реализующая себя чрезвычайно редко и всегда неполно. Попытка понять другую ментальность предполагает целый комплекс личностных качеств, в основе которого — способность к диалогу, аналитизм, интеллектуальность, культурологический багаж и — главное — человечность.

Источники

- Акунин Б. Левиафан. М. : Захаров, 2005.
Акунин Б. Нефритовые чётки. М. : Захаров, 2009.
Акунин Б. Любовник смерти. М. : Захаров, 2013.
Акунин Б. Сказки народов мира. М. : АСТ, 2021.
Акунин Б. Русский в Англии: Самоучитель по беллетристике. М. : Альпина Паблишер, 2022.

Исследования

- Весь мир театр? Весь мир — литература! Б. Акунин глазами заинтересованных читателей / сост. А. Г. Головачева. М. : Буки-Веди, 2016.
Герейханова К. Ф. Интертекстуальные стратегии в сборнике «Нефритовые чётки» Б. Акунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2018.
Подчиненов А. В., Сzigирева Т. А. Национальный *modus vivendi*: репрезентация Б. Акунина // Актуальные вопросы русской филологии в поликультурном пространстве. Эрзурум: Ататюркский ун-т, 2013. С. 212–214.
Подчиненов А. В., Сzigирева Т. А. Национальный дискурс в романах Б. Акунина // Социокультурные и филологические аспекты в образовательном и научном контексте. Киото: Университет Киото Сангё, 2014. С. 585–590.
Пропт В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М. : Наука, 1969.
Ранчин А. Романы Б. Акунина и классическая традиция // Новое литературное обозрение. 2004. № 67. С. 235–266.
Сzigирева Т. А., Подчиненов А. В. Система национальных зеркал в творчестве Б. Акунина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 3 (132). С. 60–66.
Сzigирева Т. А., Подчиненов А. В., Сzigирев А. В. Борис Акунин и его игровой мир. СПб. : Алетейя, 2017.
Сорокин С. П. Бинарность Фандорина, или Пересечение восточной и западной традиций в контексте «фандоринского цикла» Б. Акунина // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Т. I. (Гуманитарные науки). С. 264–268.

Циплаков Г. М. Зло, возникающее в дороге, и дао Эраста // Новый мир. 2001. № 11. С. 159–181.

Черняк М. А. Homo legens vs homo ludens: к вопросу о диагнозе российской прозы «нулевых» годов // Филологический класс. 2011. № 25. С. 4–11.

Чхартишвили Гр. Но нет Востока и Запада нет (о новом андрогине в мировой литературе) // Иностранная литература. 1996. № 9. С. 254–263.

References

Chernyak, M. A. (2011). Homo legens vs homo ludens: k voprosu o diagnoze rossiiskoi prozy "nulevykh" godov [Homo Legens vs Homo Ludens: On the Question of the Diagnosis of Russian Prose of the 2000s]. *Filologicheskii klass*, 25, 4–11.

Chkhartishvili, Gr. (1996). No net Vostoka i Zapada net (o novom androgine v mirovoi literature) [But There is no East and Also no West (About the New Androgyne in World Literature)]. *Inostrannaya literatura*, 9, 254–263.

Gereikhanova, K. F. (2018). Intertekstual'nye strategii v sbornike "Nefritovye chetki" B. Akunina [Intertextual Strategies in the *Jade Rosary Beads Collector*] (doctoral dissertation abstract). RUDN University, Moscow.

Golovacheva, A. G. (Comp.). (2016). *Ves' mir teatr? Ves' mir — literatura! B. Akunin glazami zainteresovannykh chitatelei* [All the World's a Stage? All the World is Literature! Boris Akunin through the Eyes of Curious Readers]. Moscow: Buki-Vedi.

Podchinenov, A. V., & Snigireva, T. A. (2013). Natsional'nyi modus vivendi: reprezentatsiia B. Akunina [National Modus Vivendi: Representation of B. Akunin]. In *Aktual'nye voprosy russkoi filologii v politkul'turnom prostranstve* [Topical Issues of Russian Philology in a Multicultural Space] (pp. 212–214). Erzurum: Atatürk University.

Podchinenov, A. V., & Snigireva, T. A. (2014). Natsional'nyi diskurs v romanakh B. Akunina [National Discourse in B. Akunin's Novels]. In *Sotsiokul'turnye i filologicheskie aspekty v obrazovatel'nom i nauchnom kontekste* [Sociocultural and Philological Aspects in the Educational and Scholarly Context] (pp. 585–590). Kyoto: Kyoto Sangyo University.

Propp, V. Ya. (1969). *Morfologiya skazki* [Morphology of the Folktale]. Moscow: Nauka.

Ranchin, A. (2004). Romany B. Akunina i klassicheskaia traditsiia [Boris Akunin's Novels and Classical Tradition]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 67, 235–266.

Snigireva, T. A., & Podchinenov, A. V. (2013). Sistema national'nykh zerkal v tvorchestve B. Akunina [The System of National Mirrors in the Works of B. Akunin]. *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 60–66.

Snigireva, T. A., Podchinenov, A. V., & Snigirev, A. V. (2017). *Boris Akunin i ego igrovoi mir* [Boris Akunin and His Game World]. St Petersburg: Aleteya.

Sorokin, S. P. (2011). Binarnost' Fandorina, ili Peresechenie vostochnoi i zapadnoi traditsii v kontekste "fandorinskogo tsikla" B. Akunina [Binarity of Fandorin, or Intercrossing of Eastern and Western Traditions in the Context of the Fandorin Cycle]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 1, 1. (Gumanitarnye nauki), 264–268.

Tsiplakov, G. M. (2001). Zlo, vznikaiushchee v doroze, i dao Erasta [Evil that Arises on the Way and the Dao of Erast]. *Novyi mir*, 1, 59–181.

Снигирева Татьяна Александровна

доктор филологических наук

¹ профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

² ведущий научный сотрудник

Институт истории и археологии УрО РАН

620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

E-mail: tas0905@rambler.ru

Snigireva, Tatyana Aleksandrovna

Dr. Hab. (Philology)

¹ Professor

Department of Russian and Foreign Literature

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

² Leading Researcher

Institute of History and Archaeology UB RAS

16, S. Kovalevskaya Str.,

620990 Ekaterinburg, Russia

Email: tas0905@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

Подчиненов Алексей Васильевич

доцент, директор издательства

Уральского университета

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: a.v.podchinenov@urfu.ru

Podchinenov, Alexey Vasilievich

Associate Professor,

Director of Ural University Press

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

Email: a.v.podchinenov@urfu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8498-4542>